

Научная статья
УДК 94(47).083+94(480)
doi: 10.17223/15617793/514/11

Память о войнах и национальное строительство Российской империи на территории Великого княжества Финляндского в начале XX в.

Анна Сергеевна Лизогуб¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, LizogubAS@omsu.ru

Аннотация. Анализируются особенности использования памяти о войнах в национальном строительстве Российской империи на территории Великого княжества Финляндского. На основе делопроизводственной документации Главного штаба и материалов периодики проанализирована специфика коммеморативной деятельности, приуроченной к 100-летию присоединения Финляндии и 200-летию взятия Выборга. Автор пришел к выводу, что торжества носили локальный характер и были ориентированы на русскоязычное население.

Ключевые слова: историческая память, 100-летие присоединения Финляндии, 200-летие взятия Выборга, Великое княжество Финляндское, национальная идентичность

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках реализации гранта РНФ № 23-78-01190.

Для цитирования: Лизогуб А.С. Память о войнах и национальное строительство Российской империи на территории Великого княжества Финляндского в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 95–103. doi: 10.17223/15617793/514/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/514/11

The memory of wars and national construction of the Russian Empire in the territory of the Grand Duchy of Finland at the beginning of the 20th century

Anna S. Lizogub¹

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, LizogubAS@omsu.ru

Abstract. The present study discusses the problem of using the memory of wars in the national construction of the Russian Empire in the territory of the Grand Duchy of Finland in the early 20th century. The source base consisted of both published and unpublished materials. Of particular importance was the appeal to the office documentation of the General Staff. By analysing reports, memoranda and petitions from military officials and the Governor-General of Finland, the study reconstructs the unique approaches to the implementation of commemorative projects in the Grand Duchy and highlights the difficulties and controversial issues in the relationship between imperial and local authorities. Additional information was obtained from Nicholas II's diaries, P.A. Stolypin's correspondence and periodicals. The methodological tools are based on the achievements of the interdisciplinary paradigm of memory studies. Of great importance was the use of the historical-comparative method, which made it possible to compare the forms and extent of the participation of the local population in Finland and other territories in the celebrations dedicated to the victories of the Russian army. The use of the historical-genetic method allowed tracing the escalation of the land dispute in Vyborg, as well as characterizing the ways of resolving conflict situations in commemoration between representatives of the imperial and local authorities. The author concluded that in the early 20th century the state authorities actively used military-historical stories as one of the instruments for legitimizing their political course on the outskirts and the cultural integration of the peoples of the Russian Empire. At the same time, the imperial policy of memory, aimed at perpetuating military victories, faced the need to consider regional peculiarities. Using the example of the analysis of the 100th anniversary of Finland's annexation and the 200th anniversary of the capture of Vyborg, it was established that the infrastructure of Russian memorial sites was not created in the Grand Duchy of Finland. The country's leadership also did not fully use the symbolic potential of the anniversaries to bring the outskirts and the centre closer together. The narrative of the military annexation of the territory of Finland acted as a destabilizing factor and allowed only the Russian-speaking population to unite. A distinctive feature was the local nature of the festive events, which was explained by the insignificant role of the Russo-Swedish wars in the national myth-making of the Russian Empire. On the eve of the First World War, attempts were made to improve the policy of remembrance in the territory of the Grand Duchy of Finland, but the conflict that began in 1914 and the Revolution of 1917 did not allow the plans to be realised.

Keywords: historical memory, 100th anniversary of annexation of Finland, 200th anniversary of capture of Vyborg, Grand Duchy of Finland, national identity

Financial support: The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 23-78-01190.

For citation: Lizogub, A.S. (2025) The memory of wars and national construction of the Russian Empire in the territory of the Grand Duchy of Finland at the beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 514. pp. 95–103. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/514/11

Введение

Россия на протяжении всей своей истории являлась многонациональным государством. От эффективности национальной политики во многом зависело не только стабильное развитие, но и само существование страны. К концу XIX – началу XX в. было завершено формирование государственных границ, но проблема инкорпорации присоединенных земель в общеимперское общественно-политическое и культурное пространство оставалась достаточно острой. Обширность территорий, языковые и бытовые различия в совокупности с отсутствием единой модели управления окраинами предопределили использование самодержавным правительством различных инструментов для интеграции населения. Политика памяти, основанная на коммеморации в пространстве империи военных побед русской армии, рассматривалась в качестве одного из методов культурного сближения народов.

Разработка единого канона увековечения памяти о героическом прошлом сталкивалась с трудностями, обусловленными разновременным вхождением в состав Российской империи и отличиями в социально-экономическом и культурном развитии отдельных территорий. В связи с этим особенно выделялась линия государства по отношению к Великому княжеству Финляндскому, присоединенному по итогам русско-шведской войны 1808–1809 гг. Самостоятельность Финляндии в вопросах внутренней политики привела к противостоянию в различных сферах с имперской властью при попытке проведения административной унификации в начале XX в.

Проблемы, связанные с изучением национальной политики Российской империи, всегда пользовались повышенным вниманием со стороны историков. В настоящее время утвердилось представление об империях как о полиэтничных государственных образованиях с обширным пространством, «имеющим сложную политико-административную, экономическую, социокультурную и ментальную конфигурацию» [1. С. 6]. Длительное время политика русского самодержавия по отношению к окраинам рассматривалась в качестве поэтапного сокращения полномочий местной администрации и планомерной русификации на протяжении XIX столетия. Важнейшим достижением современного этапа изучения нациостроительства на территории Великого княжества Финляндского стал вывод о неприемлемости [2. С. 235] или ограниченности использования термина «русификация» [3]. Значительное число научных трудов посвящено характеристике особенностей управления и правового статуса княжества в составе империи [4–6]. Некоторые аспекты положения русскоязычного населения в Финляндии рассматривались Н.Г. Карнишиной и В.Ю. Карнишиным [7], а также Е.Ю. Дубровской [8]. Культурное измерение взаимоотношений между империей и княжеством проанализировано А.С. Жирновой и А.В. Мельновым

на примере изучения формирования памятных мест русскоязычного населения в городском пространстве Выборга [9. С. 161]. Таким образом, в настоящее время в исследовательской литературе доминирует представление о том, что в начале XX в. политический курс Российской империи по отношению к Финляндии был направлен на укрепление единства государства путем унификации административного аппарата и законодательства. В центре внимания научного сообщества находились преимущественно сюжеты, связанные с положением Великого княжества в составе империи. Для понимания особенностей русско-финляндских взаимоотношений, специфики национального строительства в начале XX столетия на окраинах необходимо обращение к выявлению особенностей и проблем формирования идентичности русскоязычного населения на территории Финляндии.

Цель настоящей статьи заключается в воссоздании особенностей использования памяти о войнах в национальном строительстве Российской империи на территории Великого княжества Финляндского в начале XX в. Источниковую базу исследования составила делопроизводственная документация Главного штаба. Особое значение имело обращение к рапортам, докладным запискам, ходатайствам военных чиновников и Финляндского генерал-губернатора, сохранившихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и Российском государственном историческом архиве (РГИА). Привлечение данных материалов позволило воссоздать специфику и трудности при реализации коммеморативных проектов на территории Великого княжества. Дополнительные сведения, приоткрывающие замыслы и личное отношение руководства империи к символической политике в Финляндии, были получены на основе анализа дневника Николая II и переписки председателя Совета министров П.А. Столыпина. Охарактеризовать отношение российского общества к юбилейным торжествам в честь 100-летия Фридрихсгамского договора и 200-летия взятия Выборга удалось на основе анализа статей и заметок, опубликованных в «Русском инвалиде» и «Финляндской газете».

Методологический инструментарий определен в соответствии со спецификой исследования, которое осуществлялось в рамках междисциплинарной парадигмы «memory studies». Для выявления особенностей использования викториальной тематики на территории Великого княжества Финляндского использовался историко-сравнительный метод. Его применение позволило определить специфику героического нарратива, сопоставить формы и масштабы участия местного населения в Финляндии и на других территориях в торжествах, приуроченных к победам русской армии. На основе историко-генетического метода удалось проследить ход эскалации земельного спора в Выборге, а также охарактеризовать способы решения конфликтных ситуаций в области коммеморации между представителями имперской и местной власти.

100-летний юбилей присоединения Финляндии к Российской империи

Кризис самодержавного строя, наивысшей точкой которого стала первая русская революция 1905–1907 гг., предопределил поиск новых методов сближения центра и окраин. В связи с тем что выступления против действующей власти прокатились по всей империи, руководству страны предстояло не только привести к единому знаменателю управление и законодательную базу, но и укрепить культурные связи, насколько это было возможно. По мнению М.Н. Крота, «даже в периоды максимального усиления административного давления на Финляндию <...> правительственные меры были направлены лишь на то, чтобы обозначить имперское присутствие в крае посредством ряда символических маркеров (почта и пр.), утвердить верховенство императорской власти над местными органами управления и продемонстрировать тот факт, что финляндцы являются в первую очередь имперскими подданными, на которых распространяются наиболее важные общеимперские обязанности» [2. С. 235]. Значимым поводом для сближения и усиления символической связи между центром и финляндской территорией являлось приближение памятных годовщин военной истории – 100-летие присоединения Финляндии и 200-летие взятия крепости Выборг в ходе Северной войны.

Организация указанных торжеств имела значение и для укрепления идентичности русского населения, проживавшего на территории Финляндии. По данным 1897 г., русское население, подлежащее переписи в Финляндии, составляло 13 276 чел., из которых русских насчитывалось 10 224 чел. [10. С. 9]. Центрами притяжения русских являлись столица Великого княжества – Гельсингфорс и Выборгская губерния, которая из состава Российской империи была передана Финляндии в 1811 г. [11. С. 41]. Город Выборг в начале XX в. представлял собой быстро развивающийся экономический центр, а также один из важнейших стратегических пунктов. Общая численность населения города в 1900 г. составляла 22 650 чел., из которых военнослужащих с семьями, являющих российскими подданными, – 2 781 чел. [12. С. 171]. Таким образом, русские представляли собой незначительную часть населения княжества, в том числе и в административных центрах имперской власти.

В контексте обсуждения порядка издания законов, касающихся Финляндии и постановлений общегосударственного значения, празднование векового юбилея присоединения финляндской территории открывало возможность для обоснования имперским правительством своего политического курса. 16 февраля 1909 г. Николай II утвердил в качестве даты официальных торжеств 5 (18) сентября – день подписания Фридрихсгамского мирного договора. Позднее повеление монарха позволяет выдвинуть предположение о том, что потенциал рассматриваемой годовщины не был оценен в полной мере руководством страны. Данное событие воспринималось в качестве одного из целого ряда юбилеев начала XX в. Не стоит забывать, что летом 1909 г. предстояло отметить 200-летие победы под

Полтавой, которая наряду с Отечественной войной 1812 г. составляла основу национального нарратива.

Несмотря на второстепенное положение в иерархии памятных годовщин, Санкт-Петербург четко обозначил свою позицию по отношению к другим событиям, связанных с историей Финляндии. Так, председатель Совета министров П.А. Столыпин в послании Финляндскому генерал-губернатору В.А. Бекману указывал на необходимость «озаботиться, чтобы предстоящему в столетнюю годовщину созыва Боргоского сейма торжеству открытия памятника <...> Александру I, равно как и всем другим торжествам, которые могут быть приурочены к означенному дню, не было придано официального празднования столетия присоединения Финляндии» [13. Л. 10]. Такая предосторожность П.А. Столыпина обуславливалась усложнением отношений в начале XX в. с Великим княжеством, для которого Боргоский сейм выступал символом особого положения в составе Российской империи. В ответном сообщении Бекман указал, что открытие памятника Александру Павловичу состоится 16 (29) марта 1909 г., но подчеркивал, что на монументе отсутствовали какие-либо надписи. Однако в данной ситуации открытие памятника русскому императору имело неоднозначное символическое значение.

Ответ Финляндского генерал-губернатора не удовлетворил Санкт-Петербург, поскольку уже 13 марта 1909 г. В.А. Бекману снова было направлено обращение. Оно содержало требование пояснить, какие именно меры предполагалось принять для противодействия празднования векового юбилея присоединения Финляндии в день 100-летия созыва Боргоского сейма, а также уведомить о программе предстоящих торжеств в сентябре. Ввиду незначительного срока до указанной годовщины генерал-губернатор не представил в Совет министров информации по первому пункту. Только 31 июля (13 августа) 1909 г. из Гельсингфорса поступили его соображения относительно празднования юбилея заключения Фридрихсгамского договора. Помимо украшения города, торжественных богослужений и панихид он также предлагал учредить особый юбилейный нагрудный знак с присвоением права носить его всем лицам, состоявшим на государственной службе в Финляндии. По его мнению, следовало бы представить к внеочередным наградам всех лиц, посветивших себя объединению Великого княжества с российской державой, среди которых обязательно должны были присутствовать и русские, и представители местной власти [13. Л. 19]. При изложении своих взглядов В.А. Бекман обратил внимание и на приближение 100-летия Императорского Финляндского сената 20 сентября (2 октября) 1910 г.

Эти предложения были рассмотрены на заседании Совета министров 4 августа и отклонены. Финляндский генерал-губернатор предпринял повторную попытку обосновать свое прошение о награждении гражданских чинов за службу, подчеркивая, что «служба должностных лиц в Финляндии весьма тяжела в настоящее время, ввиду недоброжелательного к ним отношения влиятельных буржуазных кругов населения; что в отношении воспитания и образования своих детей

русские чиновники поставлены в весьма неблагоприятные условия, так как русские образовательные учреждения имеются только в Гельсингфорсе и Выборге, и что, наконец <...> в Финляндии <...> чинопроизводства за выслугу лет вовсе не существует» [13. Л. 26 об.–27]. Несмотря на достаточно пространную аргументацию, переубедить П.А. Столыпина не удалось.

Участие в праздничных мероприятиях, проходивших в Гельсингфорсе и Фридрихсгаме, принимали военные депутаты и войска, расположенные в Финляндии, а также учащиеся русских учебных заведений. В честь памятного события в Фридрихсгамской башне мира была установлена мраморная доска с перечнем всех частей, принимавших участие в Русско-шведской войне. Ремонт и изготовление памятной доски осуществлялись за счет денежных сборов в войсках и передачи капитала, предназначенного на сооружение в г. Экенесе памятника павшим русским воинам [14. Л. 11].

По первоначальному варианту программы предполагалось провести в Гельсингфорсе в императорском дворце обед от Высочайшего Императорского Величества [13. Л. 42–42 об.]. Но этот пункт был исключен ввиду того, что к предстоящей годовщине не был закончен ремонт императорского дворца. О локальном характере праздника свидетельствовало и отклонение ходатайств о командировании во Фридрихсгам полков, расквартированных в пределах империи [15. Л. 52].

200-летие взятия Выборга

В 1910 г. страна готовилась отметить сразу несколько юбилеев, связанных Северной войной – 200-летие взятия Выборга, Риги и Ревеля. По мнению генерала от инфантерии В.Г. Глазова, «все эти события не только связаны с исторической жизнью армии, но имеют также весьма важное значение и в политической жизни государства, как знаменовавшие собой или начало новой исторической эры, или же коренное изменение нашего политического положения на окраинах» [16. Л. 30 об.].

В честь предстоящего двухвекового юбилея взятия крепости Выборг, входившей в начале XX столетия в состав Великого княжества Финляндского, планировалось установить памятник Петру I и осуществить закладку православного собора на 1 тыс. человек. Впервые идея о сооружении храма была озвучена в июне 1901 г. генерал-губернатору Н.И. Бобрикову комендантом Выборгской крепости генерал-майором Н.Н. Кайгородовым. Данную инициативу также поддержал и Николай II, выделив из собственных средств 5 тыс. руб. В конце сентября 1901 г. комендант крепости представил на рассмотрение командующему войсками округа предполагаемый проект с эскизным планом и сметой расходов, которые определялись суммой в 250 тыс. руб. [16. Л. 4]. Из-за отсутствия денежных средств финансирование началось только в 1904 г. Но Русско-японская война и первая русская революция не позволили использовать денежные средства по назначению, и кредит был закрыт.

Празднование двухвекового юбилея победы русской армии в битве при д. Лесной актуализировало другие памятные годовщины Петровской эпохи. 11 ноября 1908 г. комендант Выборгской крепости генерал-

лейтенант Е.П. Вишняков вновь возбудил ходатайство перед начальником штаба войск Гвардии и Петроградского военного округа бароном А.Ф. фон ден Бринкеном о необходимости «подготовиться к достойному чествованию важного события и желательно было бы ознаменовать 200-летнее существование крепости Выборг как русской твердыни на ближайшей к Петербургу окраине постановкой императору Петру Великому памятника и сооружением <...> православного храма на возвышенном утесе в Кронверке Святой Анны, откуда виден весь город» [16. Л. 3]. Выбор местоположения будущего памятника также связывался с бытующим преданием о том, что с этой скалы «царь Петр лично руководил действиями осады Выборгской крепости в 1710 г.» [17. Л. 2]. Современный исследователь А.В. Мельнов отмечал, что «инициатива установки монумента русскому царю была ответом на вызов местных шведских и финских элит в процессе формирования памятных мест важнейших городских культур» [18. С. 94]. Его предположение основывалось на том, что в 1908 г. в Выборге были установлены памятники М. Агриколе и Т. Кнутссону.

Е.П. Вишняков в своем ходатайстве также затронул финансовую сторону вопроса. Он указывал, что в Риге памятник в честь аналогичного юбилея сооружался на средства местного дворянства, а в городе Ревель – посредством всероссийской подписки. Комендант в случае отсутствия возможности построить храм за счет государства просил разрешения открыть всероссийскую подписку, поскольку «рассчитывать на поддержку местного общества в этом деле – не приходится» [16. Л. 5].

Разрешение денежных трудностей было не единственной проблемой на пути реализации данных проектов. Наиболее серьезным препятствием в сооружении храма и памятника являлось их местоположение. Территория Петровской горы в Кронверке Святой Анны находилась в числе спорных объектов между военным ведомством и городом. Конфликты по поводу владения земельными участками возникали неоднократно с 1842 г. Для урегулирования противоречий выборгское крепостное инженерное управление выступило с инициативой проведения межевания, которое было произведено в 1890–1895 гг. В результате проделанной работы Вице-землемером Ханникайненом Петровская гора закреплялась в качестве собственности города.

23 марта 1895 г. выборгское крепостное инженерное управление подало жалобу на неправильное и незаконное размежевание в выборгский ратгаузский суд, который отклонил ее только 9 июля 1896 г. по причине неподсудности. Однако, в январе 1897 г. выборгский гофгерихт подтвердил подсудность дела. На основании этого решения была направлена повторная жалоба в суд первой инстанции, который утвердил законность межевого производства, а также право собственности города на Петровскую гору. Выступая в качестве апелляционной инстанции, выборгский гофгерихт 13 мая 1899 г. удовлетворил требование по вопросу принадлежности спорной территории, но отклонил пункт о незаконности межевания. В надежде получить положительное решение по последнему вопросу выборгское крепостное инженерное управление в

конце июня 1899 г. подало прошение в финляндский сенат. Он не только отклонил вопрос о неправильности межевания, но и пересмотрел решения по остальным пунктам не в пользу военного ведомства. Сенат руководствовался тем, что «будто бы еще в 1846 г. императором Николаем I этот участок был передан в собственность города <...> хотя ни письменного документа, не межевого плана на право владения город не представил, заявив, что документы эти утеряны» [16. Л. 9 об.].

В 1901 г. Финляндский генерал-губернатор Н.И. Бобриков предложил вернуть спорные земли путем отчуждения и провести новое межевание. Рассмотрение вопроса затягивалось, а в связи с началом первой русской революции разбирательство отложили до более благоприятного времени [16. Л. 10 об.].

Приближающийся 200-летний юбилей взятия Выборга вновь актуализировал обсуждение прав на владение Петровской горой. В конце 1908 г. городскому выборгскому управлению поступило предложение обменять спорный участок земли на другой принадлежащий инженерному ведомству. К рассмотрению сложившейся ситуации присоединился и новый Финляндский генерал-губернатор генерал-лейтенант Ф.А. Зейн, назначенный на должность в ноябре 1909 г. Он приказал собрать все имеющиеся документы и материалы по этому вопросу. Основываясь на данных журнала особого комитета по обороне берегов Балтийского моря, утвержденного 4 ноября 1859 г., он пришел к заключению, что в ведении военного ведомства оставалась вся территория укрепления Крона Святой Анны. В донесении военному министру В.А. Сухомлинову от 28 января 1910 г. Ф.А. Зейн указывал, что «петровская гора по справедливости является принадлежащей военному ведомству, но поскольку сенатом признано право собственности за городом, то вопрос о Петровской горе представляется чрезвычайно запутанным» [16. Л. 59 об.–60]. Генерал-лейтенант Зейн предложил обратиться к императору за соизволением об обратном отчуждении Петровской горы и о немедленной передаче участков земли в распоряжение военных властей «в целях обеспечения беспрепятственного празднования юбилея 200-летия взятия Выборга русскими войсками и ознаменования этого исторического, имеющего широкое государственное значение торжества, постановкою памятника Петру и закладкою собора» [16. Л. 61].

Опираясь на рекомендации Финляндского генерал-губернатора, военное министерство отказалось от обмена участков.

Совет министров, рассмотрев предложение В.А. Сухомлинова на заседании 22 февраля, поддержал отчуждение спорных участков с отнесением расходов на счет имперской казны [16. Л. 95 об.]. 7 апреля 1910 г. было обнародовано соответствующее высочайшее повеление, после чего Финляндский генерал-губернатор испросил соизволения на немедленную передачу этих участков для беспрепятственного выполнения работ по сооружению памятника Петру I [16. Л. 96 об.]. Таким образом, строительство культурных объектов потребовало привлечения всех административных ресурсов для разрешения противостояния между представителями имперской и местной власти.

Параллельно прорабатывался финансовый аспект сооружения памятника Петру I и закладки православного храма. Кроме 5 тыс. рублей, пожертвованных Николаем II еще в 1901 г., никаких денежных средств для реализации проектов не имелось. В связи с этим император 18 сентября 1909 г. поручил обсудить денежное обеспечение строительства храма в Совете министров, а памятник Петру Великому он брал на свое иждивение [17. Л. 2]. По предварительной смете на устройство монумента требовалось 13 тыс. руб. Впоследствии император на закладку храма разрешил потратить выделенные им 5 тыс. руб., а на строительные работы в будущем планировалось выделить специальный кредит.

Изготовить памятник Петру I до апреля 1910 г. поручалось известному скульптору Л.А. Бернштаму. Руководство по устройству постамента находилось в ведении полковника В.А. Щеглова, который по некоторым вопросам консультировался с академиком, автором проекта музея А.В. Суворову в Санкт-Петербурге А.И. фон Гогеном. Для непосредственного изготовления и установки памятника был заключен договор с Восточно-финляндским гранитным обществом, визитной карточкой которого являлся памятник павшим воинам в Полтаве [16. Л. 104 об.].

19 февраля 1910 г., т.е. до официального отчуждения участка, Финляндский генерал-губернатор Ф.А. Зейн и командир 22-го армейского корпуса генерал-лейтенант П.Д. Ольховский признали наиболее подходящим местом для монумента Петру Великому редут на Петровской горе, где располагалось к тому моменту деревянное здание бывшего городского ресторана. В марте 1910 г. обсуждался вопрос о необходимости сноса этого строения, которое длительное время не ремонтировалось и пребывало в ветхом состоянии. Соответствующее ходатайство было возбуждено перед Финляндским генерал-губернатором 9 апреля 1910 г. [16. Л. 94 об.]. По всей видимости, в силу нехватки времени здание осталось на месте, только было «задрапировано материями национальных цветов и украшено зеленью и множеством флагов» [19. С. 1].

7 мая 1910 г. императором был окончательно утвержден чертеж переднего фасада, перспективный вид памятника и надписи на нем [16. Л. 108 об.]. 20 мая в своем дневнике Николай II записал, что «около 3 час. пошел на станцию, где осмотрел памятник Петру Великому, предназначенный для Выборга в память 200-летия взятия его. Сделан он Бернштамом и очень удачно» [20. С. 476]. Статуя Петра на место установки была доставлена только 7 июня, но все приготовления к открытию были закончены вовремя.

Подготовку к 200-летию взятия Выборга необходимо рассматривать в общем контексте политики памяти Российской империи, в которой после 1907 г. прослеживалась линия на централизацию и упорядочивание. Особой комиссией по разработке порядка чествования юбилеев знаменательных исторических событий, учрежденной в феврале 1909 г., из перечня предстоящих памятных годовщин были выделены те, которые являлись «знаменательными в жизни России и в деятельности армии, и память о которых должна быть почтена всенародно или одной только армией, в

зависимости от исторической важности события» [21. Л. 59–59 об.]. В этом списке, составленном 7 апреля 1910 г., значилось и 200-летие взятия Выборга. Но уже в докладе комиссии по Главному штабу от 30 апреля рекомендовалось придать этому юбилею местный характер. В докладной записке содержалась информация об открытии памятника и закладке военного собора, однако подчеркивалось, что не имелось никаких сведений о степени и формах участия в торжествах городского управления и местных жителей.

Вопрос об участии в торжествах нерусского населения остается открытым. Одним из главных источников, позволяющих воссоздать социальный и национальный состав непосредственных свидетелей праздничных церемоний, являются материалы прессы. Однако, периодические издания достаточно часто либо не сообщали точное количество, либо значительно преувеличивали реальное число. Газета «Русский инвалид» сообщала, что у памятника павшим воинам, сооруженного вблизи фридрихсгамских ворот на средства офицеров гарнизона крепости, собрались вместе с начальствующими лицами и Финляндским генерал-губернатором Зейном депутаты от духовенства и местного населения. «Вся прилегающая к памятнику местность и ближайшие крепостные валы были заняты народом» [22. С. 3]. Вероятнее всего, главными участниками выборгских торжеств являлось русскоязычное население, о чем свидетельствовали другие публикации в прессе. В другом номере «Русского инвалида» подчеркивалось, что «выборгские торжества имеют глубокое значение в нашем русском деле на окраине. В них ясно выразилось единство русских людей без различий чинов, званий и положений...» [23. С. 3]. На страницах русскоязычной «Финляндской газеты» при описании порядка празднования прямо указывалось, что «войско и русское население ликуют» [24. С. 2]. М. Витухновская отмечала, что на торжества не приглашались представители местной выборгской или финской власти, а жители и финская пресса их игнорировали, поскольку «перед юбилеем состоялось историческое голосование по финскому вопросу в Государственной думе, в результате которого финляндское законодательство было подчинено общероссийскому» [25. С. 57].

Такое положение объяснялась не только современной политической ситуацией, но и традицией сложившихся взаимоотношений между различными частями выборгского общества. Военный министр Российской империи А.Ф. Редигер происходил из семьи потомственного дворянина Великого княжества Финляндского. Он оставил достаточно объемные воспоминания о своей жизни, в том числе и о детстве, проведенном в Выборге. Учитывая, что данный текст был написан в 1910-е гг., вероятнее всего, на детские воспоминания накладывался отпечаток имеющегося политического опыта. А.Ф. Редигер указывал, что «общество в Выборге делилось на три части: шведскую, немецкую и русскую. Центр шведского общества составлял местный гофгерихт (судебная палата) с его массой чиновников. Немецкое общество состояло главным образом из семейств немецких купцов, остав-

шихся в Выборге <...>. Наконец, русское общество состояло из семейств офицеров местного гарнизона. Немецкая и шведская части общества имели между собой известное общение, и некоторые семейства вращались как в том, так и в другом. Русское же общество стояло особняком, и я не помню, чтобы в немецком или шведском обществе видел русского офицера» [26]. Несмотря на то что этот фрагмент характеризовал общество Выборга конца 1850-х – начала 1860-х гг., обособленность разных народов сохранялась и в последующие десятилетия.

Детальный анализ праздничных мероприятий позволил прийти к выводу, что двухвековой юбилей взятия Выборга имел значение только для русскоязычного населения. Номинативная форма коммеморации в 1910 г., направленная на переименование и присвоение имен сподвижников Петра I, использовалась только к объектам военной инфраструктуры. Так, были переименованы замок Шлосс в Петровскую цитадель, центральное укрепление Восточного фронта – в укрепление генерал-адмирала графа Апраксина, батарея на Западном фронте – в батарею бригадира Чернышева [27. С. 1]. В замке Шлосс предполагалось открыть Петровский музей с экспонатами о покорении Выборгской губернии и Финляндии в целом [28. С. 4]. Через год музей распахнул двери для первых посетителей, в числе которых были офицерские чины гарнизона, представители учебно-минного отряда Балтийского флота, православного духовенства, русских учебных заведений и русское население города [29. С. 2].

Торжества в честь 200-летия взятия Выборга проходили с 12 по 15 июня 1910 г. По устоявшейся традиции состоялись беседы с нижними чинами и сообщения офицеров об осаде города. Для армии также был напечатан исторический очерк [30], представлявший собой краткую выжимку из трудов генерал-лейтенанта М.М. Бородинки, считавшегося главным специалистом по истории Финляндии. 13 и 14 июня проходило открытие и освещение памятников павшим воинам, памятника Петру I и закладка православного храма. Венки возлагались только от войск, русских обществ и учебных заведений. 13 июня также в здании реального училища состоялось общее собрание Православного карельского братства [22. С. 3].

Особый интерес в программе представляла поездка на пароходах 15 июня в Транзунд [28. С. 4]. Маршрут морского путешествия повторял путь следования Петра I к Выборгу, что с точки зрения П. Нора можно рассматривать в качестве места «кристаллизации памяти» [31. С. 17]. По замечанию Н. Минар-Тёрманен, в путешествиях по Финляндии «русские искали следы своей собственной истории и черты их национальной принадлежности» [32]. По пути следования Петра Великого, воссозданного на основе военно-походного журнала 1710 г., отправились пароход генерал-губернатора Зейна, 6 военных крепостных пароходов и 8 эскадренных миноносцев. Корреспондент газеты «Русский инвалид» достаточно в ироничной форме сообщал о том, что «массы местных обывателей собрались на городском берегу, с любопытством и удивлением

взирая на невиданное доселе здесь шествие военных судов с исключительно русскою публикой» [23. С. 3].

Необходимо отметить, что в отечественной периодике активно освещались Выборгские юбилейные торжества. Публицистами помимо описания церемониала также затрагивалась проблема противостояния городских властей, их нежелания выделить необходимый участок земли под памятник и храм. В публикациях по этой тематике использовался тезис о трудностях на этапе подготовительных работ и их героическом преодолении инженерами крепости, несмотря на препятствия со стороны местной власти. Авторами неоднократно высказывалась мысль о запустении территории, ветхости зданий, расположенных на участке [28. С. 4]. В одной из публикаций «Русского инвалида» подчеркивалось сакральное значение Петровской горы, в связи с чем особенно болезненно воспринимался бойкот рабочих-финнов [22. С. 3].

Работа по благоустройству Петровской горы и прилегающей территории в действительности была проделана огромная. Чуть более чем за месяц был разбит Петровский сквер и обнесен новой оградой, построена лестница для удобного подъема, на вершине горы проложены дорожки, отремонтирована гарнизонная церковь и все государственные здания, украшены флагами, щитами, гирляндами зелени Петровская гора, Абосский мост, замок и крепость. Артиллерийский манеж был декорирован портретами, картинами эпохи взятия Выборга [19. С. 1]. В день торжеств флагами украшались русские учебные заведения, дома русских жителей и правительственных учреждений.

По мнению М. Витухновской, с 1860-х гг. на территории Великого княжества Финляндского со стороны местного населения предпринимались попытки переосмысления значения Русско-шведской войны 1808–1809 гг., что сопровождалось установкой памятников на местах побед шведов в столкновениях с русскими [25. С. 50]. Это беспокоило имперскую власть и общественные круги. Со стороны Императорского Русского военного исторического общества велась работа по поиску и публикации «Материалов по истории Финляндской войны 1808–1809 гг.» [33. С. 30]. С этой целью была организована экспедиция по сбору источников под руководством полковника П.А. Ниве. Но вряд ли эти действия могли коренным образом изменить ситуацию.

Стремление поставить под контроль символическую политику предопределило создание 1 декабря 1911 г. на территории княжества отдела ИРВИО [34. С. 20]. Совет общества при разработке инструкций в 1913 г. для местных ячеек особое внимание обращал на работу Финляндского отдела. В документе подчеркивалось, что «финляндцы имеют памятники почти на всех местах, где шведы имели хотя и сомнительный успех над нашими войсками в войну 1808–1809 гг. Пора и нам запечатлеть и наши бесспорные победы, которых были проявлены искусство наших начальников и доблесть наших войск и которые привели к отторжению от Швеции одной трети всех ее владений. Мы не имеем даже памятника, свидетельствующего о присоединении к империи силою оружия всей Финляндии» [35. Л. 16–17]. Только в 1914 г. финляндский

отдел выступил с инициативой создания описания военно-исторических памятников, а также поставил вопрос о необходимости устройства Русского военно-исторического музея и библиотеки при нем. Также в ближайшем будущем планировалось начать работу по сооружению в Гельсингфорсе памятника деятелям, сыгравшим роль в присоединении Финляндии [36. С. 118]. Реализации этих планов помешала начавшаяся Первая мировая война и революция 1917 г.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что государственная власть использовала военно-исторические сюжеты в качестве одного из инструментов легитимации своего политического курса на окраинах и культурной интеграции народов Российской империи. Обращение к героическому дискурсу обуславливалось тем, что вхождение многих территорий являлось прямым результатом победоносных войн XVIII – XIX вв. Это позволяло использовать военное прошлое в качестве основы для формирования национального мифа. Акцентированию внимания на коммеморацию в пространстве империи событий военной истории способствовало приближение ряда знаменательных годовщин: 100-летие присоединения Финляндии и Бессарабии, 50-летие покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны и др. Однако общая линия имперской политики памяти, направленной на увековечение военных побед русской армии, сталкивалась с необходимостью учитывать региональные особенности. Более всего выделялась специфика Великого княжества Финляндского. За столетний период существования Финляндии в составе империи не была создана инфраструктура русских мест памяти. Роспуск финских стрелковых батальонов в 1901 г. и размещение частей 22-го армейского корпуса на территории княжества приводили к усилению дистанции между русским и нерусским населением.

Отдельные попытки коммеморации, предпринятые в контексте 100-летия Фридрихсгамского мирного договора, не могли компенсировать эффект упущенных возможностей. Незначительное внимание со стороны руководства в 1909 г. также не позволило использовать в полной мере символический потенциал юбилея для сближения окраины и центра. В связи с этим выстраивание нарратива о военном присоединении Финляндии в целом и Выборга в частности являлось дестабилизирующим фактором.

Такая стратегия обращения к прошлому, в которой ключевую позицию занимал тезис о покорении и военном завоевании, позволяла сплотить только русскоязычных жителей Великого княжества Финляндского, а также содействовала формированию их идентичности и чувству сопричастности к героическому прошлому. В то же время данная направленность политики памяти приводила к обособленности народов, проживающих в империи.

Еще одна особенность торжеств в честь 100-летия присоединения Финляндии и 200-летия взятия Выборга заключалась в локализации праздничных мероприятий. Увековечение памяти путем установки монументов, издания научно-популярных брошюр, организации смотров и парадов проводилось локально, не затрагивая центр.

Местный характер торжеств объяснялся также незначительной ролью русско-шведских войн в национальном мифотворчестве Российской империи, основу которого составляла память о победе в Полтавской битве и Отечественной войне 1812 г. Таким образом, достаточно унифицированные инструменты политики памяти самодержавного правительства в начале

XX столетия не имели успеха на территории Великого княжества Финляндского.

Только накануне Первой мировой войны наметилась тенденция совершенствования символической политики в Финляндии, но начавшийся конфликт в 1914 г. не позволил реализовать намеченные планы.

Список источников

1. Ремнев А.В. Региональный нарратив в новой имперской истории России // Вестник Омского университета. 2004. № 4. С. 6–13.
2. Крот М.Н. «Укрепить государственную связь между великим княжеством и империей...»: попытки инкорпорации Финляндии в российское имперское пространство в конце XIX – начале XX в. // Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / под общ. ред. А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. С. 235–267.
3. Бахтурина А.Ю. Характер национальной политики самодержавия и ее оценка // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № S20. URL: <https://history.jes.su/S207987840004703-2-1> (дата обращения: 09.10.2024). doi: 10.18254/S207987840004703-2
4. Клинге М. Имперская Финляндия / пер. с фин. И. Соломеша и др. СПб. : Коло, 2005. 614 с.
5. Юссилла О. Великое княжество Финляндское 1809–1917 / пер. с фин. под ред. А.Ю. Румянцев. Хельсинки : Rusland Books Oy, 2009. 860 с.
6. Лапин В.В. Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 98–120.
7. Карнишина Н.Г., Карнишин В.Ю. Великое княжество Финляндское в составе Российской империи в начале XX в.: по материалам журнала «Финляндия» // Via in tempore. История. Политология. 2021. Т. 48, № 4. С. 849–858. doi: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-849-858
8. Дубровская Е.Ю. Русские в Финляндии в XIX – начале XX столетия: военные и гражданские // Скандинавские чтения 2014 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб. : МАЭ РАН, 2016. С. 351–366.
9. Жирнова А.С., Мельнов А.В. Петровская гора в Выборге как памятное место русской истории города: до и после 1917 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 19 (№ 2). Тематический выпуск: «Россия, Финляндия и Скандинавия: ключевые события истории. К столетию Великой революции в России и независимости в Финляндии». Материалы седьмых Барышниковских чтений (23 сентября 2017 г.) / под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова, Ю.И. Мошник. Выборг : Выборгский объединенный музей-заповедник, 2018. С. 161–168.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н.А. Тройницкого. Вып. 7: Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. СПб. : Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, 1905. 38 с.
11. Суни Л.В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. 137 с.
12. Кашенко С.Г., Маркова М.А., Родионова О.В. Русские подданные на территории Великого княжества Финляндского (по данным статистики русского и финского населения конца XIX века) // Былые годы. 2017. № 43 (1). С. 169–178. doi: 10.13187/bg.2017.1.169
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 18. Д. 172.
14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 3. Д. 3339.
15. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3305.
16. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3338.
17. РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 229.
18. Мельнов А.В. Установка памятника Петру I в Выборге: по материалам периодической печати // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 93–100. doi: 10.15393/uchz.art.2021.661
19. Финляндская газета. 1910. 17 (30) июня.
20. Дневники императора Николая II (1894–1918) : в 2 т. Т. 2 : 1905–1918 : в 2 ч. Ч. 1 : 1905–1913 / отв. ред. С.В. Мироненко. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 824 с.
21. РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 113.
22. Выборгские юбилейные торжества // Русский инвалид. 1910. 18 июня.
23. Выборгские юбилейные торжества // Русский инвалид. 1910. 22 июня.
24. К празднованию 200-летия взятия Выборга // Финляндская газета. 1910. 15 (28) июня.
25. Витухновская М. «Битва монументов»: русско-шведские войны в национальной памяти империи и Великого княжества // Историческая память и общество в российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века): международный colloquium. Научные доклады (Санкт-Петербург, 25–28 июня 2007). СПб. : Европейский Дом, 2007. С. 48–58.
26. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра : в 2 т. Т. 1. М. : Канон-пресс; Кучково поле, 1999. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/rediger/index.html> (дата обращения: 10.10.2024).
27. Русский инвалид. 1910. 4 июля.
28. Пушкарь. К 200-летию взятия Выборга императором I // Русский инвалид. 1910. 2 июня. С. 3–4.
29. Годовщина взятия крепости // Русский инвалид. 1911. 19 июня.
30. Бородин М.М. Двухсотлетие взятия Выборга: [Ист. очерк]. СПб. : Гос. тип., 1910. 28 с.
31. Нора П. Франция-память. / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 1999. 333 с.
32. Минар-Тёрманен Н. Финляндия как окраина Российской империи // Новое литературное обозрение: теория и история литературы, критика и библиография. 2020. № 6 (166). С. 460–473.
33. Известия общества // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1910. № 1. С. 26–33.
34. Первые пять лет деятельности Императорского Русского военно-исторического общества. 1907–1912. СПб. : Б.и., 1913. 66 с.
35. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 63.
36. Местные отделы // Журнал ИРВЮ. 1914. № 2. С. 117–120.

References

1. Remnev, A.V. (2004) Regional'nyy narrativ v novoy imperskoy istorii Rossii [The Regional Narrative in the New Imperial History of Russia]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 4. pp. 6–13.
2. Krot, M.N. (2020) "Ukrepiť gosudarstvennyy svyaz' mezhdu velikim knyazhestvom i imperiey...": popytki inkorporatsii Finlyandii v rossiyskoye imperskoye prostranstvo v kontse XIX – nachale XX v. ["To Strengthen the State Connection Between the Grand Duchy and the Empire...": Attempts to Incorporate Finland into the Russian Imperial Space in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In: Urushadze, A.T. (ed.) *Natsional'nye okrainy v politike Rossiyskoy imperii i russkoy obshchestvennoy mysli* [National Peripheries in the Policy of the Russian Empire and Russian Social Thought]. Rostov-on-Don: SSC RAS. pp. 235–267.
3. Bakhturina, A.Yu. (2019) Kharakter natsional'noy politiki samoderzhaviya i ee otsenka [The Nature of the Autocracy's National Policy and Its Assessment]. *Istoriya*. S20. [Online] Available from: <https://history.jes.su/S207987840004703-2-1> (Accessed: 09.10.2024). doi: 10.18254/S207987840004703-2
4. Klinge, M. (2005) *Imperskaya Finlyandiya* [Imperial Finland]. Translated from Finnish by I. Solomeshch et al. Saint Petersburg: Kolo.
5. Yussila, O. (2009) *Velikoye knyazhestvo Finlyandskoye 1809–1917* [The Grand Duchy of Finland 1809–1917]. Translated from Finnish. Helsinki: Rusland Books Oy.

6. Lapin, V.V. (2014) Finlyandiya v voennoy sisteme Rossiyskoy imperii [Finland in the Military System of the Russian Empire]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 1. pp. 98–120.
7. Karnishina, N.G. & Karnishin, V.Yu. (2021) Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe v sostave Rossiyskoy imperii v nachale XX v.: po materialam zhurnala "Finlyandiya" [The Grand Duchy of Finland as Part of the Russian Empire in the Early 20th Century: Based on Materials from the Journal "Finland"]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. 48 (4). pp. 849–858. doi: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-849-858
8. Dubrovskaya, E.Yu. (2016) Russkie v Finlyandii v XIX – nachale XX stoletiya: voennye i grazhdanskie [Russians in Finland in the 19th – Early 20th Century: Military and Civilian]. In: *Skandinavskie chteniya 2014 goda. Etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty* [Scandinavian Readings of 2014. Ethnographic and Cultural-Historical Aspects]. Saint Petersburg: MAE RAS. pp. 351–366.
9. Zhirnova, A.S. & Mel'nov, A.V. (2018) Petrovskaya gora v Vyborge kak pamyatnoe mesto russkoy istorii goroda: do i posle 1917 g. [Petrovskaya Mountain in Vyborg as a Memorial Site of the City's Russian History: Before and After 1917]. In: Baryshnikov, V.N., Krotov, P.A. & Moshnik, Yu.I. (eds) *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Evropy*. 19 (№ 2). Tematicheskiy vypusk: "Rossiya, Finlyandiya i Skandinaviya: klyucheveye sobytiya istorii. K stoletiyu Velikoy revolyutsii v Rossii i nezavisimosti v Finlyandii". *Materialy sed'mykh Baryshnikovskikh chteniy (23 sentyabrya 2017 g.)* [St. Petersburg and the Countries of Northern Europe. Vol. 19 (No. 2). Thematic Issue: "Russia, Finland and Scandinavia: Key Historical Events. On the Centenary of the Great Revolution in Russia and Independence in Finland". Materials of the Seventh Baryshnikov Readings (September 23, 2017)]. Vyborg: Vyborgskiy ob"edinennyi muzey-zapovednik. pp. 161–168.
10. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda* [The First General Census of the Russian Empire of 1897]. Issue 7. Saint Petersburg: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del.
11. Suni, L.V. (2013) *Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe (pervaya polovina XIX v.). Stanovlenie avtonomii* [The Grand Duchy of Finland (First Half of the 19th Century). The Formation of Autonomy]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
12. Kashchenko, S.G., Markova, M.A. & Rodionova, O.V. (2017) Russkie poddannye na territorii Velikogo knyazhestva Finlyandskogo (po dannym statistiki russkogo i finskogo naseleniya kontsa XIX veka) [Russian Subjects in the Territory of the Grand Duchy of Finland (Based on Statistics of the Russian and Finnish Population at the End of the 19th Century)]. *Bylye gody*. 43 (1). pp. 169–178. doi: 10.13187/bg.2017.1.169
13. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1276. List 18. File 172.
14. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 400. List 3. File 3339.
15. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 400. List 3. File 3305.
16. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 400. List 3. File 3338.
17. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1276. List 18. File 229.
18. Mel'nov, A.V. (2021) Ustanovka pamyatnika Petru I v Vyborg: po materialam periodicheskoy pechati [The Installation of the Monument to Peter I in Vyborg: Based on Periodical Press Materials]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 43 (6). pp. 93–100. doi: 10.15393/uchz.art.2021.661
19. *Finlyandskaya gazeta*. (1910) June 17 (30).
20. Mironenko, S.V. (ed.) (2013) *Dnevnik imperatora Nikolaya II (1894–1918): v 2 t.* [Diaries of Emperor Nicholas II (1894–1918): In 2 Volumes]. Vol. 2: 1905–1918: In 2 Parts. Part 1: 1905–1913. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
21. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 922. List 1. File 113.
22. *Russkiy invalid*. (1910) Vyborgskie yubileynye torzhestva [Vyborg Anniversary Celebrations]. June 18.
23. *Russkiy invalid*. (1910) Vyborgskie yubileynye torzhestva [Vyborg Anniversary Celebrations]. June 22.
24. *Finlyandskaya gazeta*. (1910) K prazdnovaniyu 200-letiya vzyatiya Vyborga [On the Celebration of the 200th Anniversary of the Capture of Vyborg]. June 15 (28).
25. Vitukhnovskaya, M. (2007) ["The Battle of Monuments": The Russo-Swedish Wars in the National Memory of the Empire and the Grand Duchy]. *Istoricheskaya pamyat' i obshchestvo v rossiyskoy imperii i Sovetskom Soyuze (konets XIX – nachalo XX veka)* [Historical Memory and Society in the Russian Empire and the Soviet Union (Late 19th – Early 20th Century)]. Proceedings of the International Colloquium. St. Petersburg. 25–28 June 2007. Saint Petersburg: Evropeyskiy Dom. pp. 48–58. (In Russian).
26. Rediger, A.F. (1999) *Istoriya moyey zhizni. Vospominaniya voennogo ministra: v 2 t.* [The Story of My Life. Memoirs of the Minister of War: In 2 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Kanon-press; Kuchkovo pole. [Online] Available from: <http://militera.lib.ru/memo/russian/rediger/index.html> (Accessed: 10.10.2024).
27. *Russkiy invalid*. (1910) July 4.
28. Pushkar'. (1910) K 200-letiyu vzyatiya Vyborga imperatorom I [To the 200th Anniversary of the Capture of Vyborg by Emperor Peter I]. *Russkiy invalid*. June 2. pp. 3–4.
29. *Russkiy invalid*. (1911) Godovshchina vzyatiya kreposti [Anniversary of the Capture of the Fortress]. June 19.
30. Borodkin, M.M. (1910) *Dvukhsotletie vzyatiya Vyborga: [Istoricheskiy ocherk]* [The Bicentennial of the Capture of Vyborg: [Historical Essay]]. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
31. Nora, P. (1999) *Frantsiya-pamyat'* [France–Memory]. Translated from French by D. Khapaeva. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
32. Minar-Tyormanen, N. (2020) Finlyandiya kak okraina Rossiyskoy imperii [Finland as a Periphery of the Russian Empire]. *Novoe literaturnoe obozrenie: teoriya i istoriya literatury, kritika i bibliografiya*. 6 (166). pp. 460–473.
33. *Zhurnal Imperatorskogo Russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva*. (1910) Izvestiya obshchestva. 1. pp. 26–33.
34. Anon. (1913) *Pervye pyat' let deyatelnosti Imperatorskogo Russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva. 1907–1912* [The First Five Years of the Activity of the Imperial Russian Military-Historical Society. 1907–1912]. Saint Petersburg: [s.n.].
35. Manuscript Department of the Russian National Library. Fund 152. List 3. File 63.
36. *Zhurnal Imperatorskogo Russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva*. (1914) Mestnye otdely [Local Departments]. 2. pp. 117–120.

Информация об авторе:

Лизогуб А.С. – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: LizogubAS@omsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Lizogub, Cand. Sci. (History), associate professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: LizogubAS@omsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.10.2024;
одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 25.10.2024;
approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 30.05.2025.